

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

ПАМЯТИ КЛАВДИИ ИВАНОВНЫ ШУЛЬЖЕНКО

«Синенький скромный платочек...» Что это такое? Неприязнительный милый вальс, бра-
вурный и чувствительный в од-
но и то же время, отрада танцплощадок,
задушевность городского романа... И
все? Нет, это еще война, воинские дол-
гие эшелоны, пластинки в блиндажах,
концерты в госпиталях, где двое раненых
используют для аплодисментов по одной
уцелевшей руке; это тыловые бедные ве-
черинки при затемненных окнах; поцелуй
и слезы на московских улицах и площа-
дах девятого мая сорок пятого года; это
озноб волнения, вот уже сорок с лишним
лет пробегающий по спине при первых
звучах, при первых тактах...

«Ты говорила, что не забудешь...» —
«Синий платочек» сделался конкретным,
лирическим, личным символом всего того,
что мы пережили и перечувствовали за че-
тыре года Великой Отечественной войны,
потому что первой исполнила его и испол-
няла до самой своей кончины Клавдия
Шульженко.

Когда думаешь об этой актрисе, осо-

серьезнейшие критики посвящали ему от-
дельные статьи. Но главное в том, что за
это ее любила публика, как любят муд-
рого и тонкого человека, способного дать
ненавязчивый совет, и философски усмех-
нуться, и незло пошутить. Возделанность
чувств — вот что ценили люди в артист-
ке. Воспитанию чувств — вот чему учи-
лись на ее концертах. За те полвека, что
Клавдия Шульженко работала на эстраде,
музыкальные стили и вкусы менялись
неоднократно. Шульженко за модой не
гналась и из моды никогда не выходила.
Она была в этом смысле подобна тому
вальсу, о котором с ностальгической неж-
ностью и мужеством спела одну из луч-
ших своих песен. На последнем ее гала-
концерте в Колонном зале три или четыре
года назад овации звучали дольше, не-
жели во время выступлений самых попу-
лярных и авангардных ныне эстрадных
артистов...

Исполнить «шлягер», сделаться «гвоз-
дем» сезона удавалось многим — создать
своими песенками некую часть русской
культуры смогли лишь некоторые.

39

бенно очевидной делается условность и
даже бессмысленность деления искусства
на «высокие» и «низкие», «большие» и
«малые» жанры. Можно сочинять гранди-
озные оратории, писать монументальные
полотна и не запечатлеть в них ничего,
кроме собственного желания преуспеть и
«попасть в струю». А можно петь с эст-
рады вроде бы камерные, то грустные,
то бойкие песенки — и выразить в них
и свое время, и душу своего народа, и его
представления о добре, о счастье, о любви.
Причем в тот момент выразить, когда
и представлениям этим, и самому народу
выпали самые жестокие из возможных на
свете испытаний. Дело не в жанрах, дело
в размере таланта и еще, пожалуй, в ка-
честве души.

И все-таки есть какая-то странность в
том, что самым заветным чувствам сража-
ющихся и у станков не смыкающих глаз
людей сумела соответствовать певица,
которую считали «жанровой», мастерица
лукавых намеков, уловительница тончай-
ших душевных движений. Может, в том и
дело, что перед лицом всенародной опас-
ности как никогда поднялись в цене эти
самые заветные движения души, а об-
ласть личных переживаний без зазора сов-
местилась с миром высоких гражданских
чувств? Шульженко, как всегда, пела о
личной жизни вполне конкретного своего
современника, но эта его личная жизнь
была, в сущности, судьбой страны и на-
рода.

«Строчит пулеметчик за синий плато-
чек, что был на плечах дорогих...»

Клавдия Шульженко была художником
человеческих отношений, певцом сердеч-
ных дел и сердечной науки во всех ее
прелестных оттенках, в многообразии ее
очарований и печалей. Не потому ли ее
«Три вальса», музыкальный номер на три
минуты, сравнивали с целым спектаклем,

Клавдия Ивановна Шульженко, народ-
ная артистка СССР, была из их числа. По-
тому-то не забудут ее до той поры, покуда
хоть одно-единственное сердце со-
жмется при первых тактах и словах:

«Синенький скромный платочек...»

Ан. МАКАРОВ.

НА СНИМКАХ:

● Почти каждый концерт на фронте за-
канчивался дружеской беседой со слушате-
лями и нередко фотографией на память.

● «Ах, как кружится голова... Как голо-
ва кружится!»

● «Гитара молода...»

Фото В. Ахломова,
Б. Вдовенко.